Декатова К. И.

СТРУКТУРА СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 79-81. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

СТРУКТУРА СЕМИОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Декатова К. И.
Волгоградский государственный педагогический университет

Повышение интереса к проблемам семиологии в современном языкознании объясняется стремлением постичь сложные процессы функционирования языковой системы в речи. Важнейшими задачами семиологических исследований является осмысление основных механизмов речевой актуализации и семантической модификации языковых единиц. Одним из таких механизмов функционирования и развития языкового знака является *семиологический конфликт*, проявляющийся в отношениях между системной и речевой ипостасями языкового знака.

Выявление семиологического конфликта было подготовлено развитием научной мысли, оттолкнувшейся от соссюровского разграничения (противопоставления) языка и речи. Благодаря введению швейцарским ученым резкого разделения понятий «язык» (средство общения) и «речь» (применение средства общения) в лингвистических исследованиях стали проводить различие между единицами языка и единицами речи. «Если доссосюровская лингвистика молчаливо исходила из того, что единицы, обращающиеся в речи, собственно, и являются единицами языка, то введение дихотомии «язык - речь» побудило говорить о фактах языка и фактах речи и собственно искать в речи наряду с единицами языка также и единицы речи» [Солнцев 1971: 142]. В современном языкознании достаточно подробно описаны отличительные свойства языковых и речевых единиц (А. Гардинер, В. А. Звегинцев, Н. С. Трубецкой, Й. М. Коржинек, А. И. Смирницкий, В. М. Солнцев и др.). Однако нередко исследуемые единицы языка и речи оказывались противопоставленными как элементы разных систем - системы языка и системы текста, которые, как правило, изучались изолированно друг от друга. Это способствовало прояснению субстанциональной и функциональной разницы между речевой и языковой единицами, но оставило за рамками глубокого изучения характер взаимосвязи и степень взаимозависимости этих единиц. Осознавая необходимость в преодолении этого исследовательского перекоса, в лингвистических работах появились предложения отказаться от жесткого разграничения единиц языка и речи. «Утверждение, что язык и речь - два отдельных явления, как кажется, логически должно привести к тому, что нам необходимо располагать двумя рядами: единицы, вскрываемые, с одной стороны, в языке как одном явлении и, с другой стороны, в речи как в другом явлении. Но вместе с тем <…> такое разграничение на единицы речи и единицы языка совершенно неправомерно. <…> В силу принципа антагонистической взаимообусловленности (языка и речи) не представляется возможным располагать отдельные единицы целиком на плоскости языка или на плоскости речи и, таким образом, создавать автономные единицы языка или речи» [Звегинцев 1968: 107]. Понимание узости исследовательского подхода, концентрирующего основное внимание только на анализе отличительных признаков речевой и языковой единицы, стало толчком к разработке иного, семиологического, подхода к анализу онтологии знака (Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, А.-Ж. Греймас и др.). Сторонники этого подхода увидели в языковой и речевой единице не разные системные элементы, а разные модусы существования одного феномена - лингвистического знака. «Одной из характерных черт словесного знака является двойной модус его существования - как элемент системы, в определенном смысле потенциальный знак, противопоставленный актуальному <…> знаку, реализованному в речи» [Уфимцева 2004: 53]. Предметом анализа в семиологических исследованиях стали не статические состояния знака в системе языка или в речевом фрагменте, а процесс перехода «виртуальной» (языковой) модификации знака в «актуальную» (речевую), а также влияние речевой модификации на изменение языковой. (А. А. Уфимцева, Ш. Балли и др.). Перенесение в рамках семиологического подхода акцента на функциональные особенности языкового знака открыло возможность рассматривать модификации языкового знака не только как противопоставленные, но и как взаимодействующие сущности. Изучение процессов взаимоперехода языковой и речевой модификаций позволило обнаружить конфликтную сущность этого взаимодействия. Несмотря на признание факта существования семиологического конфликта, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что его сущность является осмысленной до конца. Проникновение в тайну эффективности функционирования знака, несмотря на неизбежность семиологического конфликта в этом процессе, на наш взгляд, является необходимым, поскольку без такой аналитической работы оказываются недоступными для понимания многие репрезентативные механизмы и механизмы развития языкового знака. Поэтому определение роли и значения семиологического конфликта в процессе функционирования знака можно назвать одной из важных целей современной семиологии.

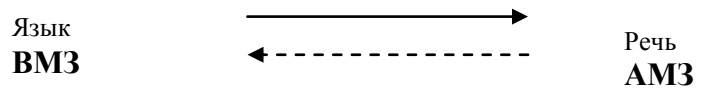
Исследование семиологического конфликта предполагает решение как минимум трех задач: во-первых, определяя границы семиологического конфликта, выявить его сущностные признаки; во-вторых, осмыслить причины возникновения семиологического конфликта; в-третьих, проанализировать динамику семиологического конфликта в процессе функционирования и развития языкового знака.

Решение первой задачи невозможно вне контекста существующих в современной науке представлений о конфликте как многомерном явлении. Этим объясняется существование различных подходов к изучению конфликтов в современной конфликтологии. Одним из широко применяемых способов научного исследования конфликтов является системный подход, «предполагающий определение универсальной для различных наук понятийной схемы <…> описания, объяснения и управления» конфликтами. [Ацупов, Шипилов 2006: 208]. В рамках системных исследований проводятся системно-структурный, системно-функциональный, системно-генетический, системно-информационный, системно-содержательный и др. виды анализа разного

рода социальных и эргатических конфликтов (Ф. Хайдер, Л. Фестингер, Т. Парсонс, В. А. Светлов, А. Я. Ацупов, А. И. Шипилов, А. В. Дмитриев и др.). Объединяющим эти разноаспектные исследования является понимание конфликта как системного состояния. Конфликт, согласно мнению сторонников системной концепции, - это не случайное столкновение элементов-участников конфликта, а необходимое явление, имеющее особое значение для развития системы. Так, В. А. Светлов предлагает не упрощать определение конфликтной ситуации до простого противодействия сторон или негативного отношения, не приравнивать конфликт к антагонизму, а рассматривать его как «разновидность структурного дисбаланса, которая означает неспособность сохранения системы в старом качестве, в прежних качественных границах своего бытия…» [Светлов 2005: 27]. Под структурным дисбалансом понимается такое нарушение в структуре системы, которое возникает в результате обострения разного рода противоречий между элементами системы, не позволяющие ей эффективно функционировать и достигать основных целей. Соглашаясь с мнением ученого и принимая основные положения его концепции, считаем, что для понимания сущности семиологического конфликта немаловажным может оказаться его анализ с позиций системного подхода. Данный подход предполагает определение ***семиологического конфликта*** как закономерного системного явления, проявляющегося в *дисбалансе структуры семиотических отношений, то есть отношений между «виртуальной» и «актуальной» модификациями знака в семиологическом акте.*

Всякий конфликт рождается в ходе взаимодействия элементов системы друг с другом или в процессе «общения» системы с окружающей средой. Подобное взаимодействие можно рассматривать как цикл - «последовательность отношений элементов, в которой первый и последний элементы совпадают» [Светлов 2005: 34]. Цикл состоит из отношений воздействия и ответной реакции, иначе говоря, прямой и обратной связи, что является структурой обратной связи. Если прохождение цикла оказывается благоприятным для системы в целом или для ее отдельных элементов, то есть система остается устойчивой и не меняет своих качеств, то обратную связь цикла называют положительной. Цикл может завершаться достижением отрицательного эффекта, то есть система оказывается дестабилизированной, утрачивает прежние качества. В случае недостижения системой полезного результата в ходе функционального цикла возникает отрицательная обратная связь элементов, которая и становится основой дисбаланса отношений, оказываясь основной структурной причиной конфликта. «Конфликт обладает определенной структурой, а именно представляет способ соединения несовместимых элементов системы в одно целое посредством отрицательной обратной связи» [Светлов 2005: 32]. Семиологический конфликт, как и любой конфликт, рождается в процессе прохождения знаком функционального цикла: перехода знака из «виртуального» модуса в «актуальный» и обратная связь. Например, использование в речевом фрагменте лексемы ***пожар*** представляет собой семиологический цикл, состоящий из двух полуциклов: 1) перехода «виртуальной» модификации знака (лексемы ***пожар*** - ВМЗ) в «актуальную» (в словоформу ***пожары*** - АМЗ) и 2) обратной связи, которую можно рассматривать и как процесс верификации «актуальной» модификации с «виртуальной»: *Здесь страсти поджары и ржавы: // Держав динамит! // Здесь часто бывают* ***пожары****: // Застава горит!* (М. И. Цветаева «Застава». С 304).

Используя метод моделирования конфликта, предложенный В. А. Светловым, структуру семиологического конфликта можно изобразить схематически:



Как видно на схеме, цикл состоит из двух полуциклов. Если исходной точкой считать языковую систему, то первым полуциклом семиологического цикла является использование языковой единицы в речи, или переход знака из «виртуального» модуса существования в «актуальный» (ВМЗ → АМЗ). Данный полуцикл является неконфликтным, отношения между семиотическими модусами оказываются конструктивными: виртуальная модификация становится основанием речевой модификации. Исследуя свойства лингвистического знака на материале словесных знаков, А. А. Уфимцева обратила внимание на эту функциональную особенность системной модификации языкового знака, призванной сыграть роль смысловой базы словоформы в речевом акте: «Диалектическое взаимодействие двух модификаций словесного знака - виртуального и актуального - с неизбежностью подтверждает тезис о том, что в лексике строго действует закономерность «оборачивания ролей», постоянно происходит «мена» местами между конкретными, актуальными проявлениями слова в реальной речи, являющимися «первосущностью» и обобщенными, виртуальными знаками, которые, генетически являясь производными от первых, становятся статически, первоосновой, семантическим их субстратом» [Уфимцева 1986: 82]. Однако, как известно, в процессе речеупотребления виртуальная единица претерпевает изменения, «обрастая» новыми смыслами, что и становится основанием для возникновения несоответствия «актуальной» модификации знака «виртуальной». Это обнаруживается во втором полуцикле, то есть в процессе верифицирующего сопоставления речевой единицы с ее системным прототипом - языковой единицей (АМЗ ← ВМЗ). Этап контроля, или соотнесения речевой реализации замысла с программой высказывания, является неотъемлемым этапом речепорождения, выделяемый в психолингвистических исследованиях речевой деятельности (А. А. Леонтьев, Л. С. Цветкова, А. А. Залевская,

И. А Зимняя, В. П. Глухов и др.). Одним из важнейших процессов на данном этапе является тестирование на соответствие программе избранных для ее реализации вербальных средств. Как справедливо отмечает В. П. Глухов, механизмы тестирования, обратной связи речевой деятельности, осуществляемый по каналам смыслового контроля и смыслового анализа еще недостаточно ясен [Глухов 2005: 62]. Однако существование этого этапа речепорождения является неоспоримым фактом. Операция результаты смыслового контроля и смыслового анализа может и не осознаваться, ее же результаты осознаются, хотя и в разной степени. Особенно четко ощущается полное или частичное несоответствие языковой единицы структуре замысла, что ведет к коррекции «вербализации», заключающейся в замене языковой единицы или ее смысловому преобразованию. В результате последней операции на этапе контроля выявляется несоответствие речевого смысла и системного значения знака. Например, возможность осознать, что в контексте: *Уже везде по дому ставни // Захлопываются, стуча. // В гостиной - где* ***пожар*** *недавний? - // Уж ни луча.* (М. И. Цветаева «Чародей». С 475.) - языковая единица ***пожар*** претерпевает изменения, возникает только потому, что запускается механизм сопоставления 1) означающего актуальной модификации (материально выраженного комплекса) и виртуальной модификации (акустического образа языковой единицы *пожар*) и 2) означаемого актуальной модификации (речевой смысл «ярко-красный закат») и означаемого виртуальной модификации (значение «пламя, широко охватывающее и уничтожающее что-нибудь»). Несовпадение семиотических модификаций можно квалифицировать как отрицательную обратную связь, делающую структуру отношений лексемы и словоформы конфликтной, или несбалансированной. Данное несовпадение в современной лингвистике описано достаточно подробно как несоответствие между значением и смыслом знака (А. Р. Лурия, В. Г. Гак, Н. Ф. Алефиренко, А. А.Уфимцева) или виртуальным и актуальным значением (И. М. Кобозева). Противопоставленность значения и смыла можно назвать основной причиной дестабилизации и разбалансирования изначальных (системных) отношений между означаемым и означающим знака, что создает конфликтную ситуацию, угрожая сохранности знака в прежних качественных пределах существования.

Таким образом, функционирование знака в речи является сложным процессом, важнейшим этапом которого является семиологический конфликт - структурный дисбаланс между означаемым и означающим знака, возникающий в семиологическом акте в результате установления несбалансированных отношений между содержанием виртуальной и актуальной модификаций (то есть значением и смыслом) семиотической единицы. Анализ структуры семиологического конфликта важным для осмысления функциональной специфики языкового знака, а также необходимым шагом для исследования динамики изменения конфликтных отношений, которое позволяет приблизиться к пониманию процессов модификации языкового знака как одного из проявлений развития языковой системы.

Список использованной литературы

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. - Волгоград: Перемена, 2006. - 228 с.
2. **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 448 с.
3. **Глухов, В. П.** Основы психолингвистики.- М.: АСТ: Астрель, 2005. - 351 с.
4. **Залевская, А. А.** Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. - М.: Гнозис, 2005. - 543 с.
5. **Звегинцев, В. А.** Теоретическая и прикладная лингвистика. - М.: «Просвещение», 1968. - 338 с.
6. **Карцевский, С. О.** Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение: Хрестоматия/ сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. - М.: Аспект Пресс, 2001. - С. 76 - 82.
7. **Леонтьев, А. А.** Психолингвистические единицы порождения высказывания М.: КомКнига, 2005. - 312 с.
8. **Лурия, А. Р.** Язык и сознание. - М.: изд-во МГУ, 1998. - 336 с.
9. **Льюис, К.** Модусы значения // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 227 - 241.
10. **Пиотровский, Р. Г.** Текст, машина, человек. - Л.: «Наука», 1975. - 328 с.
11. **Солнцев, В. М.** Язык как системно-структурное образование. - М., 1971. - 292 с.
12. **Соссюр, Ф.** Курс общей лингвистики. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с.
13. **Степанов, Ю. С.** В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 5- 42.
14. **Уфимцева, А. А.** Типы словесных знаков. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 208 с.
15. **Цветаева, М. И.** Осыпались листья над вашей могилой: Стихотворения, поэмы. - Казань: Татарское книжное издательство, 1990.- 542 с.
16. **Цветкова, Л. С.** Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. - М.: Просвещение. - АО «учебная литература», 1995. - 304 с.

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Димчева Т. Н.

ФГОУ ВПО «Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина»

При переходе от индустриального к постиндустриальному обществу в современных условиях возникает необходимость преодоления коммуникативных барьеров с целью обмена опытом и получения доступа к